

Научная статья

УДК 811.161.1'373.2

DOI 10.17223/18137083/77/15

**Лексикологический комментарий
к баснословным достопримечательностям России,
в особенности Сибири**

Александр Евгеньевич Аникин

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Аннотация

Дается лексикологический комментарий к некоторым сведениям по естественной истории России, приложенным к «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа (1696). Основное внимание уделяется двум ископаемым предметам, а именно *Adamovoi kost* 'адамова кость' (по существу, речь идет об ископаемой древесине) и *Mamontovoi kost* 'мамонт-овая кость', т. е. кости или «рога» мамонта. В первой части статьи рассматриваются этимологические объяснения эвен. *adām* 'каменный уголь', якут. *Адаам уота* 'вытертый из дерева огонь', рус. *мамонт, индрик, индер, ендарь* 'сказочный зверь' и др. Во второй части идет речь о происхождении некоторых русских (в Сибири), якутских и др. названий людей полуреального-полуфантастического облика (безголовых и т. п.): *миравда, чучуна, мюлен*.

Ключевые слова

ранние сведения о Сибири, названия ископаемых деревьев, названия мамонта и «диких людей», этимология

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Аникин А. Е. Лексикологический комментарий к баснословным достопримечательностям России, в особенности Сибири // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 199–213. DOI 10.17223/18137083/77/15

© Аникин А. Е., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 199–213
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 199–213

A lexicological commentary on the fabulous sights of Russia and especially Siberia

Alexander E. Anikin

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Abstract

The paper deals with the peculiarities of the “Siberian” text of Russian and world literature in the aspect of diachrony. The author provides lexicological comments to some of the data on the natural history of Russia attached to the “Grammatica Russica” by G. V. Ludolph (1696), including many of the sights of Muscovy from the flora or fauna, minerals, ores, trade items, and so on. Among others, the Chinese medicine *Temzui* is mentioned, the etymology discussed in the first part of the paper. However, the focus of the first part is on the two fossil objects described by Ludolph, namely, *Adamovoi kost* ‘Adam’s bone’ (essentially, fossil wood) and *Mamontovoi kost* ‘mammoth bone’, that is, the bones or “horns” of a mammoth. In this context, the author considers the origin of Even *adām* ‘coal’, Yakut *Adām uota* ‘fire wiped out of wood’ (cf. Russian dial. *derev’annyi ogon’*, literally ‘wooden fire’), Russian *mamont*, *indrik*, *inder*, *endar* ‘fabulous beast’ and others. It is especially noted that the biblical etymology of the mammoth (from the name of the behemoth), appeared in the 18th century, finally was rejected only in the 20th century. Information is given about the typology of the mammoth designations against the background of mythological ideas about mammoth among the peoples of Siberia. The second part of the paper deals with the origin of some facts absent in Ludolph’s work: three Russian (in Siberian dialects), Yakut, and other names of people of a fantastic type (headless, etc.): *miravda*, *chuchuna*, *myulen*.

Keywords

early data about Siberia, names of fossil trees, names of mammoth and “wild people”, etymology

Acknowledgments

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Anikin A. E. A lexicological commentary on the fabulous sights of Russia and especially Siberia. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 199–213. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/15

Справедливо ставить вопрос о «сибирском» (относящемся к Сибири) тексте русской и мировой литературы и его особенностях, подобно тому, как обсуждается и исследуется «петербургский» текст русской литературы. Текст здесь понимается в самом широком смысле – от текстов как таковых (например, летописных повествований или современной прозы) до отдельных слов и фразеологизмов. Удачный пример описания большого фрагмента «сибирского» текста на материале макротопонима *Сибирь* и его дериватов с учетом фразеологии дает публикация [Березович, Кривошапова, 2011], раскрывающая многочисленные «уникальности» Сибири в обозначениях ее природы, климата (холодов и др.), ландшафтов (в част-

ности, огромных расстояний), животного и растительного мира, социума (Сибирь как место ссылки и проч.), материальной культуры и т. п.

Несомненно, что у «сибирского» текста в указанном смысле имеется диахронический аспект, т. е. его история и предыстория. Земля за Уралом не могла не представляться жителям Московии, а ранее новгородцам, страной необыкновенных богатств (особенно пушнины) и прочих особенностей. Некоторые из них не были «чисто» сибирскими, но легко становились частью общего образа Сибири, каким он формировался у русских первопроходцев края.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы описать небольшой фрагмент «сибирского» текста в диахронии, а именно изложить некоторые наблюдения над отражением баснословных особенностей Сибири в лексике. Слово «баснословный» в данном случае соответствует характеру затрагиваемых реалий, которые имеют в той или иной степени фантастический или необычный характер, по крайней мере с современной точки зрения. Поскольку обсуждаемые достопримечательности относятся по большей части к Сибири и Уралу, привлекаться будут, помимо русских (по большей части диалектных и старорусских), данные языков Сибири и некоторые другие.

I

Первая часть статьи построена как комментарий к отдельным сведениям по естественной истории России, которыми в качестве приложения снабжена «Grammatica Russica» (1696 г., на латыни) немецкого ученого и путешественника Г.-В. Лудольфа, первая в мире и во многих отношениях весьма удачная грамматика русского (не русско-церковнославянского) языка [Ludolf, 1959]. Сведения о России Лудольфа (собранные им во время пребывания в Московском государстве в 1690-х гг.), как и его «Русская грамматика», были переведены на русский язык с латинского и прокомментированы Б. А. Лариным (1937 г.) и затем А. А. Алексеевым [2006]¹. Настоящая статья содержит попытку дополнить сведения и соображения, изложенные этими учеными (как и в книге А. А. Алексеева, ниже используется перевод Б. А. Ларина).

Приводя в своих сведениях о России русские наименования соответствующих реалий, Г.-В. Лудольф перечисляет достопримечательности или диковины из растительного и животного мира (здесь фигурируют, например, *Klukva*, *Arbusi*, *Sterlet*, *Vichochol*), минералы и руды, пишет о внешнем облике людей и их болезнях (*Tsainga*), предметах торговли между Россией и Китаем, в том числе о ввозимой из Китая «траве чай» (*herba The*²) и о некоем китайском лекарстве, преподносимом как своего рода панацея от многих болезней. Рассмотрением названия этого лекарства уместно предварить изложение основного содержания статьи.

Лудольф приводит слово *Temzui* ‘некое вещество желтого цвета, ароматное, подобное мелу’ [Алексеев, 2006, с. 440], и это слово в несколько различающихся вариантах засвидетельствовано также в других источниках XVII–XVIII вв. и более поздних: *дензуй* ‘ароматное травянистое вещество желтого цвета; средство

¹ Первое издание вышло в свет в Иркутске в 1941 г.

² Первые сведения о чае стали известны русским в XVI в. Чай пришел в Московию через Сибирь, источник рус. *чай* – кит. (сев.) *č'ā, в то время как кит. (южн.) t'ē стало источником заимствования голл. *thee*, франц. *thé*, англ. *tea*, нем. *Tee* и т. п. В русский китайское слово усвоено не непосредственно из китайского (ожидалось бы рус. *ча), вероятно, имело место персидское и тюркское (возможно, и монгольское) посредство, см. [Фасмер, 1986–1987, т. 4, с. 311; Аникин, 2000, с. 636].

против отравы и огневицы' – конец XVIII в. [Майоров, 2011, с. 116], *тензуй* 'лекарство против отравы и огневицы' – 1678 г. [Спафарий, 1910, с. 250], *темзуй* – 1654 г. [Панин, 1991, с. 155], *тензуй* 'красный, желтый или черный порошок с мускусным запахом (из Китая)' – 1860-е гг. (в русско-французском словаре И. Шмидта³). *Тензуем*, в данном случае китайским нюхательным порошком, в начале 1710-х гг. лечили доставленного в Москву слона [Юхименко, 2015, с. 105].

В качестве источника рус. *темзуй* (*тензуй*, *дензуй*) Н.Ф. Катанов (с сомнением) цитировал кит. *тянь цзюй* [Аникин, 2000, с. 545]. По-видимому, именно *темзую* соответствует русско-китайское (Кяхтинский пиджин) *динзуй* 'таблетка, динзуй', кит. *ти-тсуей* [СКП, с. 213], последнее и можно признать этимологом *темзуй* / *тензуй* / *дензуй*.

В своих сведениях о России Г.-В. Лудольф обратил внимание кроме прочего на две достопримечательности, называвшиеся *Adamovoi kost* 'адамова кость' и *Mamnotovoi kost* 'мамонтная кость' [Ludolf, 1959, p. 92], о которых и пойдет речь далее. Он пишет об этих «костях» в свете библейской истории мироздания (особенно такого ее события, как всемирный потоп), которая была известна и обитателям православной России-Московии, в том числе в виде народной версии Библии.

I. 1. Adamovoi kost

В тексте Лудольфа об «адамовой кости» говорится, собственно, как о заслуживающем ученого размышления окаменелом ископаемом «адамовом дереве», добываемом из земли, черным по цвету, твердом как камень, имеющем ветви. Названия предмета или предметов, которые имел в виду Лудольф, хорошо известны в русских сибирских и северновеликорусских говорах. Очевидно, что эти названия были занесены в Сибирь в процессе ее ранней колонизации русскими, главным образом в XVII–XVIII вв. Ср. рус. *адамова кость* 'окаменелое дерево', *адамовы деревья* 'ископаемые остатки деревьев', *адамовина* 'глубокая старина', *адамовщина* 'ископаемое дерево и кости', сиб. *адамовы кости* 'кости ископаемых животных' [СРНГ, вып. 1, с. 205; Даль, 1955, т. 1, с. 5]. Описание реалии можно найти в трудах мореплавателя Ф. П. Врангеля, сделавшего в окрестностях Усть-Янска запись: «На тундре также находят, далее от леса, в ярах, над озерами и реками, целые березы, с корнем и корою. Они истлели, но жители употребляют их на топку, в случае недостатка в дровах. Они не дают пламени. Жители называют сии березы *адамовщина*...» [Врангель, 1841].

Научный интерес, который вызвала у Г.-В. Лудольфа *адамова кость*, обуславливался, очевидно, не столько ее хозяйственным значением, сколько представлением о том, что это окаменевшее дерево, как можно было судить по его названию, считалось происходившим из времен праотца Адама или даже отождествлялось с его останками. Уместно напомнить, что рус. *Адам* заимствовано из ст.-слав. Адамъ < греч. Ἀδάμ < др.-евр. 'Adām 'Адам' = 'ādām 'человек'. В названиях типа *адамова кость* отразилась народная адаптация библейской символики, историко-культурной параллелью которой является, например, *адамова голова* – изображение черепа человека (Адама) с лежащими крест-накрест костями, широко используемое в традициях разных времен и народов, в том числе военных, включая русскую Императорскую армию. Этот символ отразился и в русской диалектной

³ https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_33662313/.

лексике, где, в частности, широко известен фитоним *адамова голова* [СРНГ, вып. 1, с. 205].

Лудольфу, видимо, остался неизвестным вариант названий типа *адамова кость*, а именно *нóевщина* ‘полуокаменевшее дерево, долго пролежавшее в земле или воде’ сиб., обдор., Таймыр [СРНГ, вып. 21, с. 268], ‘ископаемое, но не окаменевшее дерево, на вид моложе *адамовщины*’ сиб. [Даль, 1955, т. 2, с. 533], от библейского имени *Ной*, в русском из ст.-слав. Ное (Ноє) < греч. Νῶε < др.-евр. *Nōah*, букв. ‘успокаивающий, умиротворяющий’. На Таймыре у русских в XVIII в. были засвидетельствованы воззрения, согласно которым древние остатки деревьев наносило во время описанного в Ветхом Завете всемирного потопа, от которого Ной спасся, построив ковчег [КЗР, 1989, с. 146].

От русских обозначения «адамовых» древностей и сами эти древности стали известны некоторым народам Сибири (вероятно, при попытках христианизации). Особенно интересно эвен. *адām* ‘каменный уголь’, ‘окаменевшее дерево’, ‘древний (ископаемый) предмет, старинная вещь’ [ТМС, 1975, т. 1, с. 14], предполагающее бессуффиксальный русский этимон, совпадающий с именем Адама. Речь идет об апеллативизации собственного имени: эвен. *адām* указывает на незасвидетельствованное рус. (сиб., сев.-рус.) *адām ‘каменный уголь’, ‘окаменевший (ископаемый) предмет’.

Вероятно, эвенское слово было заимствовано через якутское посредство, хотя, судя по словарю Э. К. Пекарского, апеллатив типа эвен. *адām* в якутском не сохранился. У Пекарского дается усвоенное из русского якут. *Адаам* ‘Адам’, ‘имя прародителя рода человеческого (у него, по рассказам якутов, был очень высокий дом, какой строят русские)’⁴, ‘название какого-то очень страшного зверя, от которого произошли разные гады и насекомые’, ‘мужское имя’, *Адаам уота* ‘тертый (вытертый из дерева) огонь’ [Пекарский, 1958, с. 27, 3051], букв. ‘огонь Адама’. Якутское *Адаам* в выражении *Адаам уота* обозначало не только имя библейского праотца, но и огонь, как бы скрытый в дереве и добытый из него трением. Вместе с тем это выражение по крайней мере типологически сопоставимо с рус. диал. *деревянный огонь* ‘огонь, вытертый из дерева’ [Журавлев, 1978, с. 216–222]. Поскольку последнее фиксировалось в северновеликорусских говорах и в русских говорах Сибири вплоть до Камчатки [Там же], можно допустить и непосредственное влияние выражения *деревянный огонь* на якут. *Адаам уота*⁵.

Значение ‘страшный зверь...’ у якут. *Адаам* находит аналогию в якут. *Liäbä* = *Дйäбä* ‘жена Адама’, ‘название страшного зверя сродни зверю *Адаам*’ [Пекарский, 1958, с. 1491], из рус. *Ева*. Перенесение имени библейских предков на «страшного» зверя с вредоносным потомством может объясняться греховностью Адама и Евы, т. е. тем, что они совершили первородный грех.

В заключение этого раздела уместно обратить внимание на параллель выражения *адамова кость*, имеющую дохристианские истоки. Речь идет о выражении *Амóнов рог* ‘окаменелая допотопная раковина, похожая на бараний рог’ [Даль, 1955, т. 1, с. 15], *Аммонов рог* ‘окаменевшая спиралевидная раковина вымерших головоногих моллюсков’ [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 60]. В русском – калька-заимствование из нем. *Ammonshorn*, франц. *corne d’Ammon*, в конечном счете из лат.

⁴ Ср. рус. диал. *адām*, *адāмище* ‘о человеке огромного роста’ [СРНГ, вып. 1, с. 205].

⁵ Возникает соблазн понять рус. диал. *нóйка* ‘тлеющая колода, огонь в лесу для тепла’ [Даль, 1955, т. 3, с. 591] как дериват от имени *Ной*. Однако *нóйка* следует рассматривать как включение из финно-угорского субстрата: ср. сев.-рус. *нóдья* ‘охотничий костер’, фин. *nuotio* ‘костер на стоянке’ и проч. [Мызников, 2019, с. 531].

Ammonis cornua мн. в том же значении, усвоенного через посредство греч. Ἀμμων имени древнеегипетского божества Амон (др.-егип. *jmn*). В 1738 г. основоположник русской палеонтологии В. Н. Татищев писал в Академию наук И. Д. Шумахеру о находке *корну аммонис* [Стародубцева, Алексеев, 2015, с. 67]. Спиралевидная форма ракушек (головоногих аммонитов) напоминает бараньи рога, с которыми иногда изображался Амон.

I. 2. Mamontovoi kost

Г.-В. Лудольф описывает эту достопримечательность Московии как зубы огромного слона из допотопных времен, который, по «фантастическим» представлениям народа, и теперь живет под землей: «Чрезвычайно любопытная вещь – мамонтова кость, которую в Сибири выкапывают из земли. В народе ходят о ней фантастические рассказы. Говорят, что это кости животного, проводящего жизнь под землей и величиной превосходящего всех наземных животных. Эту кость применяют в медицине в тех же целях, что и так называемый “рог единорога”. Кусочек мамонтовой кости подарил мне один из моих друзей <...> сведущие люди говорили мне, что эта мамонтова кость представляет собой зубы слонов. Надо полагать, что они были занесены туда во время всемирного потопы и в течение долгого времени всё больше и больше покрывались землей» [Алексеев, 2006, с. 440].

Запись *Mamontovoi kost* неточно передает рус. мамонтова(я) кость ‘ископаемые клыки мамонта, идущие в поделки’ от мамонт, мамут м. ‘ископаемое животное, частью похожее на слона, но еще огромное его’ [Даль, 1955, т. 2, с. 296], ст.-рус. мамонтова кость 1578 г., ср. рогъ мамонтовъ 1609 г. [СлРЯ XI–XVII, т. 9, с. 24]. Из относящегося сюда лексического материала уместно привести также рус. диал. мамонт-зверь ‘мифическое существо, обитающее под землей’ [СРНГ, вып. 17, с. 352] и особенно ст.-рус. (в записи Р. Джемса около 1620 г.) *taimanto* ‘морской слон, которого никто не видел... по объяснению самоедов, он прорывает себе дорогу под землей, и потому они находят его зубы, рога и кости и на Печоре и на Новой Земле’ [Ларин, 1959, с. 181]. Мамонтова(я) кость с давних пор была предметом собирательства и обмена по всему Северу Сибири, в особенности на крайнем востоке [Там же, с. 208, 216].

Для рус. *мамонт*, ставшего в виде заимствования названием мамонта во многих других языках, с XVII по XX в. предлагалось немало фантастических этимологических объяснений, что стало своего рода продолжением мифов народов Северной Евразии о мамонтах. В конце XX в. проблема происхождения слова *мамонт*, по-видимому, была успешно решена. Это слово усвоено из источника типа манс. (Верхотурье) *māŋ-oŋt, (Сосьва) *maŋ-āŋt, (Пельым) *mēŋ-oŋt, (Тавда) *tāŋ-āŋt, букв. ‘земляной рог’, ср. манс. *mē ‘земля’ (-ŋ- адъективный суффикс), *ēŋt ‘рог’ [Хелимский, 1990, с. 31]. Рус. рогъ мамонтовъ отнюдь не обязательно является калькой мансийского названия, но интересно, что рог стало источником якут. (в северных диалектах) *ороок*, *оруок*, *ороох* ‘мамонтовая кость’, *оруоп* ‘рог’. В якутском есть и собственное название *муос* ‘рог’, ‘мамонтовая кость’.

Отразившиеся в записях Р. Джемса представления самоедов (ненцев) о «морском слоне», оставляющем в земле рога (бивни) и кости (что перекликается со «Сведениями...» Лудольфа), легко находят себе место в типологии воззрений на мамонта у народов Сибири (Евразии), которые различают два типа «мамонтов»: восточный (у чукчей, коряков, китайцев и маньчжур) и западный (у большинства народов Центральной и Западной Сибири, а также европейского Севера). Первый

ближе к реальному облику мамонта. «Животное наделено огромными бивнями, отличается крупным весом и длинной шерстью, причем мясо его считается съедобным; это животное принадлежит к числу сухопутных. Второй тип отличается от первого в сторону легендарного рогатого животного, сочетающего в себе черты водяного и сухопутного зверя» [Иванов, 1949, с. 133–134, 139; 1970, с. 139–140, 157–158, 229–231].

По поверьям обских угров, кетов, селькупов и эвенков, мамонт, подобный рогатому животному, живет под землей в нижнем, водном мире. В одном из кетских мифов мамонт изображается как огромная рыба, рога которой примерзают зимой ко льду. Кетское сложное слово (Г. К. Вернер) *qôl-tel'* значит буквально 'мамонт-щука', как и сельк. *кошар-ниччи*, которое обозначает мамонта, живущего в «чертовых» озерах, обросшего мхом и крадущего рыбу из снастей. Живя в воде, мамонт выворачивает бивнями камни, песок и т. п. С мамонтами (мамонтами-щуками) связывают образование речных русел, обвалы берегов, треск льда при ледоходе⁶.

Весьма ёмко представления народов Западной Сибири и Северного Урала о мамонте как «водно-сухопутном звере» описаны А. К. Матвеевым на примере обско-угорской традиции в связи с названием озера в верховьях р. Вах *Весэ́мтор*, букв. 'Мамонтово озеро' (ср. хант. *wes* 'мамонт'⁷): «Мамонт живет в воде в глубоких местах. Он подкапывает берега рек и устраивает водовороты. Мамонты не размножаются, в них превращаются старые громадные щуки, у которых растут рога и появляется шерсть. Из одного водоема в другой мамонты переходят под землей, поэтому и находят в земле их рога и кости» [Матвеев, 1997, с. 29]. Селькупские мифологические представления о мамонте отражены в сельк. *козар* 'мамонт' (XIX в.), *Квели-кожар* 'подводное чудовище (разрушающее речные берега), часто упоминаемое в преданиях о древнем народе «квели-куп»', (Таз) *košar* 'мамонт' [Helinski, 1983, p. 90]. Слово стало известно (видимо, sporadически) нарымско-русским говорам: *козар* 'мамонт' [Аникин, 2000, с. 296].

Алтайским традициям также известен образ мамонта-рыбы (возможно, кита). Согласно тунгусской мифологии, живущий в море мамонт представляет собой огромную рогатую полурыбу, полужмья с головой лося [Иванов, 1977, с. 151]. Типология мамонта у народов Сибири и Евразии стала фоном, на котором Е. А. Хелимский выдвинул этимологию (изложена в [Аникин, Хелимский, 2007, с. 121]), согласно которой северно-самодийские факты типа нен. *халэ'(н)* 'кит', энецкТ *kári* 'мамонт', нган. *kalámu* 'мамонт (живой)', возводимые к прасеверносамодийскому **kâlę-*, **kâlēmā* 'кит', 'мамонт', заимствованы (не исключена и менее определенная этимологическая связь) из пратунгусо-маньчжурского **kalim(a)* 'кит', ср. эвенк. *калим*, удэг. *калима*, маньчж. *калиму* 'кит' и т. п. [ТМС, 1975, т. 1, с. 366–367]⁸.

Уместно напомнить о возможном «мамонтовом» аспекте темы персонажа русского фольклора и старинных преданий (в Азбуковниках и Голубиной книге), известного под именем *индрик* (*индрок*, *вындрок* и др.) 'сказочный зверь в народ-

⁶ *Топоров В. Н.* Мамонт. URL: https://gufo.me/dict/mythology_encyclopedia/МАМОНТ.

⁷ Отсюда записанное С. Герберштейном в 1526 г. рус. *wes* 'какое-то животное, мамонт' (см. [Аникин, 2000, с. 155], с литературой).

⁸ Даже считаясь с критикой, которой Ю. Янхунен подверг существование праязыковых самодийско-тунгусо-маньчжурских связей [Janhunen, 2012], как они представлены в [Аникин, Хелимский, 2007], наличие этимологической связи между указанными названиями мамонта и кита отрицать трудно.

ных песнях и былинах', *индрик-зверь* 'сказочный зверь, мать всех зверей' [СРНГ, вып. 12, с. 198], ст.-рус. *индрикъ* и *индракъ* 'некое фантастическое животное (с бивнями)' XVII в. [СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 236]. Согласный *д* в этом имени рассматривается как вставной (ср. ст.-рус. *кость индрогова* = *инорогова* [Соболевский, 1907, с. 114]), что позволило возвести имя к др.-рус. *инърогъ*, *инорогъ* 'единорог', сложению *рогъ* и *инъ 'один'⁹, которое понимается как калька греч. *μονόκερως*, как и ст.-рус. *единорогъ* 'носорог; животное, изображаемое в виде лошади или оленя с одним рогом на лбу' [Фасмер, 1986–1987, т. 2, с. 132], ср. итал. *unicorno*, нем. *Einhorn* и под.

Упомянутый «мамонтный» аспект *индрика* обусловлен прежде всего недостаточно проясненной возможностью связи этого слова и рус. *индер*, названия мифического зверя (змееобразного мамонта), предания о котором были записаны на Дону, где найдены «кладбища мамонтов», обследованные еще в XVIII в. И. Гмелин уже тогда пришел к выводу, что кости мамонтов на Дону и в Сибири одинакового происхождения. Позднее В. Ф. Миллер сближал поверья об индрикe с представлениями о подземном звере мамонте [Алексеев, 2006, с. 63]. Исходя из того, что образ *индрика* происходит из традиций типа сибирских, Вяч. Вс. Иванов предложил сравнение этого имени с древнеиндийским именем бога *Indra* [Иванов, 1977, с. 152]. Трудности, с которыми сталкивается данная этимология, представляются гораздо большими, нежели обычная (отраженная у Фасмера, выше), которую поддержал и А. А. Алексеев, касаясь сведений около 1480 г. о «змеиных зубах» (скорее всего, мамонтовой кости) «в Скифии» (в пределах Европейской России) [Алексеев, 2006, с. 60, 63]. Не убеждает и попытка найти этимон слова *индрик* в лексике языков Сибири, точнее, в нен. *j̄ear (jaj) hora* 'земли бык'¹⁰. Вопрос об отношении *индрик* и *индер* пока остается открытым. Не исключена связь этих слов (или одного из них) с рус. *ендъръ* 'сказочный зверь, живущий, по народному преданию, под старым дубом и питающийся воздухом' вят. [СРНГ, вып. 8, с. 359].

Если народам Сибири мамонт представлялся чудовищем гибридной природы (политерионом), то некоторые описывавшие его европейцы могли отождествлять его с другими экзотическими животными, особенно с бегемотом, а мамонтовую кость путать с моржовой, как в случае с французским иезуитом Ф. Аврилем в XVII в. О бегемоте в связи с мамонтовой костью писал английский капитан Дж. Перри¹¹. Швед Ф. Страленберг, взятый в плен под Полтавой и ставший в Сибири ученым, полагал, что *мамонт* – искаженное библейское *behemoth* (с «арабским» посредством *mehemoth*) [Алексеев, 2006, с. 377, 385].

Опорой для отождествления названий бегемота и мамонта помимо некоторого их сходства была Библия («Книга Иова»¹²), точнее, западная библейская традиция, отразившаяся в цитируемой ниже оде М. В. Ломоносова 1750 г. Русское *бегемот* '(нильский) гиппопотам' [Даль, 1955, т. 1, с. 57], 'то же', 'библейское животное': *Воззри в льса на Бегемота* (Ломоносов, «Ода, выбранная из Иова», см. [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 81]) усвоено из западно-европейских языков, ср. нем.

⁹ Ср. др.-рус. *ин-окъ* 'монах' [Фасмер, 1986–1987, т. 2, с. 135].

¹⁰ *Топоров В. Н.* Мамонт. URL: https://gufo.me/dict/mythology_encyclopedia/МАМОНТ. Не дает приемлемого объяснения *индрика* и его сравнение со ст.-рус. книжн. *енудръ* 'выдра' XVI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 51] < греч. *ἐνύδριος*, *ἐνυδρίς*.

¹¹ А. Платонов сделал его главным персонажем своего романа «Епифанские шлюзы», 1926–1927 гг.

¹² Ср. гл. 40.10: *Вот бегемот, которого я создал...*

Behemoth, франц. *Béhémoth(h)*, которые, в свою очередь, – из лат. церк. *Behemoth*, библейского имени некоего фантастического животного¹³. С XVIII в. его стали ассоциировать с гиппопотамом. Подобный ход мысли мог привести и к отождествлению бегемота с мамонтом.

Едва ли не первый критический разбор (полу)фантастических и квазинаучных воззрений начала XVIII в. дал в своих трудах о мамонте и мамонтовой кости (*Mamontowa kost*) на латыни и на русском (особенно в «Сказании о звере мамонте», 1730 г.) В. Н. Татищев, отвергший гипотезы о занесении на север костей слонов водами библейского потопа, приведении слонов в Сибирь с юга евреями и проч. Доказательство В. Н. Татищевым того, что мамонт не сказочное животное, а кости и «рога» мамонта суть остатки животных, некогда ранее населявших обширные территории Евразии [Стародубцева, Алексеев, 2015, с. 62, 65], не оставило места для сравнения названий мамонта и бегемота, о котором Татищев пишет, используя стяженную форму *бемут* вместо *бегемот*. Однако библейская этимология *мамонта* была окончательно отвергнута только в XX в. [Laufer, 1925, p. 29, 36, 63; Meulen, 1927, S. 381].

Мифологические представления народов Сибири о мамонтах своеобразно преломились в других неудачных, временами фантастических этимологиях слова *мамонт*, предлагавшихся в XX в. Они были недавно проанализированы М. Стаховским и вслед за ним Е. А. Хелимским [2002, с. 80]. Ярким примером является справка об этимологии нем. *Mammut* в 18-м издании немецкого этимологического словаря Ф. Клюге, где со ссылкой на Г.-В. Лудольфа (преподносимого как «русский» по фамилии Ludloff) говорится о происхождении названия *мамонт* от «якутского *тамма* ‘земля’» [Kluge, 1960, S. 457], хотя такого слова в якутском не существует. История подобных заблуждений и путаницы весьма длительная¹⁴.

II. Из названий «диких людей»

Из достопримечательностей и диковин Сибири и Московии, не отмеченных Лудольфом, можно указать фантастических обитателей Крайнего Севера и Сибири, в реальность которых верили и коренные жители этих окраин, и русские. Рассказы-легенды о «диких людях» на севере Якутии в свое время послужили одним из оснований для гипотезы о «реликтовых гоминоидах» (палеоантропах), будто бы сохранившихся в труднодоступных местах до XX в.¹⁵ Эта гипотеза справедливо отвергнута.

О фантастических существах говорится, в частности, в известном памятнике конца XV – начала XVI в. «Сказание о человецех незнаемых в восточной стране и языцех розных»¹⁶, созданном в период раннего проникновения русских (сначала новгородцев) на север Западной Сибири. Не задерживаясь на содержании этого многократно комментировавшегося текста, уместно лишь напомнить, что о самоедах здесь рассказывается, в частности: «аки человеци, но без голов; рты

¹³ В лат. из др.-евр. *behēmōth*, предположительно формы интенсивного мн. к *b'hemah*, *behēmā(h)* ‘зверь, скотина’.

¹⁴ См. [Meulen, 1927], где подробно описан ранний этап изучения истории слова *мамонт* и его коррелятов в языках Европы. Он показал, между прочим, что из-за ошибочного написания русизма *tamont* как *tamtout* появились формы вроде нем. *Mammut*, откуда в качестве обратного заимствования редкое рус. *мамут*.

¹⁵ Ср. довольно распространенные в наши дни и обсуждаемые всерьез темы «снежного человека», «йети», имеющие ненаучный или паранаучный характер.

¹⁶ Графика памятника здесь и далее упрощенная.

у них меж плечима, а очи в грудех»; «иная самоядь такова:верху роты, рот на темени... как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз». Бытовавшие в средневековой Европе до XVI–XVII вв. слухи-сведения о безголовых, со ртом на груди обитателях неведомых полных стран¹⁷, принесенные на северо-восток Евразии русскими, контаминировали с мифологическими представлениями коренных обитателей. Ниже будет затронута лишь малая часть данной тематики, представленная в виде кратких комментариев к некоторым названиям «диких» людей, а именно *миравда*, *чучуна* и *мюлен*. Эти слова еще в XX в. встречались или могли встречаться у русских старожилов «полярной Руси» (выражение В. Г. Богораза), разбросанной по устьям больших сибирских рек, а также, в соответствующем языковом облике, у их соседей, коренных обитателей Сибири, от которых и были усвоены русскими.

Слово *миравда* фольк. 'фантастическое существо: безголовое с лицом на груди' н.-индиг. [ФРУ, 1986, с. 318] не имеет надежной этимологии. Оно напоминает тунгусское название плеча – эвенк. *мирэ*, эвен. *мир* 'плечо', *мирэгдэ* и др. 'широкоплечий, плечистый' [ТМС, 1975, т. 1, с. 538], хотя формальный аспект сравнения недостаточно ясен. Возможно, исходное значение *миравды* – 'существо с плечами (вместо головы)'. Облик *миравда* напоминает самоедов в «Сказании о человецех...» и в то же время обнаруживает сходство с якутскими преданиями (возникшими не без русского влияния, но содержащими, вероятно, и оригинальный пласт) о чужеродцах-*омуках*¹⁸: не то людях, не то зверях без голов, со ртом и глазами на груди. Сюда примыкают легенды о чудовищах с именем *чучуна*, также имевших сросшуюся с туловищем голову и проталкивавших пищу плечами [Николаев, 1961, с. 55–60].

Слово *чучуна* 'полуреальный-полуфантастический обитатель тундры' [Гурвич, 1975, с. 35, 91] встречалось в рассказах русских старожилов и их иноязычных соседей на Индигирке, Нижней Лене, Яне, Колыме, Анадыре [ФРУ, 1986, с. 319]. Оно явно происходит из якут. *чучуна*, *чучунаа*, *чочунаа* 'дикий человек или одичавший беглец, дикарь', *чучунаа*, *чочунаа*, *кучунаа* 'обитатель тундры фантастического облика (голова срослась с туловищем)', далее из эвенк. *сучанā*, *хучанā*, *чучанā* 'беглец' от *суча-*, *хуча-*, *чуча-* 'ускользнуть, убежать скрыться (от преследования), спастись бегством' [ТМС, 1977, т. 2, с. 132]. Быстрота бега – одно из свойств, приписываемых *чучуне*, называемому также *худой* или *сендушный*¹⁹ *чукча* [ФРУ, 1986, с. 217; Биркенгоф, 1972, с. 185]. Юкагирско-колымское *шегужуй шоромэ* 'чучуна', букв. 'убегающий человек', явно сложилось под тунгусским влиянием.

По всей вероятности, русским старожилам северо-восточной Азии было известно (в форме *мюлен* или подобной) якутское слово (на Индигирке) *мулуон* 'разновидность дикого человека, нечистый дух', которое, по-видимому, происходит из тунгусского источника типа эвен. *булэн* 'враг', 'противник', (уст.) 'юкагир', ср. эвенк. *булэн* 'враг' [ТМС, 1975, т. 1, с. 109–110; Аникин, 1999, с. 217]. Данное объяснение согласуется с тем, что чужеродцы в разных языках (культурно-языковых традициях), не только сибирских, нередко обозначаются названиями дикарей и чудовищ, что можно видеть хотя бы на примере упомянутого якут. *омук*.

¹⁷ Реальной основой таких сведений правдоподобно считается глухая арктическая одежда типа парки древних обитателей северо-востока Евразии.

¹⁸ Ср. якут. *омук* 'племя, народ', 'чужеродец, иноземец', 'тунгус', 'юкагир', 'чукча' (см. об этом слове [Аникин, 2000, с. 425], с литературой).

¹⁹ От рус. диал. *сендуха* 'тундра, необитаемое место'.

Ненецкое *луца* 'русский', будучи заимствованным в тунгусо-маньчжурские языки, контаминировало в маньчжурском с заимствованным из кит. *luocha* (< санскр.) названием демона, откуда маньчж. *лоча* 'русский', 'демон' [Janhunen, 1997, p. 161–162].

Остается под вопросом предположение, что реальной основой легенд о «диких людях» стали случаи, когда охотники-зверобои с побережья крайнего северо-востока Сибири оказывались унесенными на льдине далеко на запад, где воспринимались местными жителями как *чучуна* и т. п. на фоне преданий об исчезнувшем древнем населении (наподобие преданий о *чуди* у русских), мифов и сказок [Гурвич, 1975, с. 91–92]. Это предположение едва ли могут подкрепить записанные в XVIII в. Г. Ф. Миллером сведения о передвижении (видимо, в XVII – начале XVIII в.) далеко на запад колымско-алазейских чукчей, впоследствии исчезнувших²⁰.

Список сокращений названий языков, диалектов и говоров

Англ. – английский, голл. – голландский, греч. – греческий, диал. – диалектный, др.-евр. – древнееврейский, др.-егип. – древнеегипетский, др.-рус. – древнерусский, итал. – итальянский, кет. – кетский, кит. – китайский, лат. – латинский, манс. – мансийский, маньчж. – маньчжурский, нган. – нганасанский, нем. – немецкий, нен. – ненецкий, ненЛ – ненецкий лесной, н.-индиг. – нижеиндигирский, обдор. – обдорский, рус. – русский, санскр. – санскрит, сев.– северный, сев.-рус. – севернорусский, сельк. – селькупский, сиб. – сибирский, ст.-рус. – старорусский, ст.-слав. – старославянский, удэг. – удэгейский, фин. – финский, франц. – французский, хант. – хантыйский, эвен. – эвенский, эвенк. – эвенкийский, энецкТ – энецкий тундренный, южн. – южный, якут. – якутский.

Список литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты, комментарий. 3-е изд. Новосибирск: Наука, 2006. 504 с.

Аникин А. Е. О якутских названиях «диких людей» // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. Вып. 5. С. 214–220.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новосибирск: Наука, 2000. 765 с.

Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славянской культуры, 2007. 256 с.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. Л. Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре. М.: Индрик, 2011. С. 110–156.

Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев. М.: Мысль, 1972. 222 с.

Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю... СПб: Тип. А. Бородина и К., 1841. 306 с.

Гурвич И. С. Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). М.: Мысль, 1975. 96 с.

---

²⁰ Об этих сведениях автору статьи любезно сообщил проф. А. Х. Элерт.

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Вступ. ст. А. М. Бабкина. М.: ГИС, 1955.
- Журавлев А. Ф.* Из русской обрядовой лексики: «живой огонь» // Общеславянский лингвистический атлас 1976. М.: Наука, 1978. С. 204–228.
- Иванов С. В.* Мамонт в искусстве народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: изд-во АН СССР, 1949. Т. 9. С. 133–153.
- Иванов С. В.* Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Названия слона в языках Евразии. 1-3 // Этимология 1975. М.: Наука, 1977. С. 148–161.
- КЗР – Колумбы Земли Русской. Сборник об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. 461 с.
- Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 423 с.
- Майоров А. П.* Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011. 583 с.
- Матвеев А. К.* Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 191 с.
- Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб: Нестор-история, 2019. 1076 с.
- Николаев С. И.* К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. Вып. 2. С. 47–62.
- Панин Л. Г.* Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1991. 179 с.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Л., 1958. XX + 3858 + VIII с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.
- Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М.: Унив. тип., 1907. 309 с.
- Спафарий Н. Г.* Описание первыа части именуемой Ази, в ней же состоит Китайское государство... Казань, 1910. 192 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965–. Вып. 1–.
- Стародубцева И. А., Алексеев А. С.* История российской палеонтологии. В. Н. Татищев // Бюлл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. геологии. М., 2015. Т. 90, вып. 5. С. 60–68.
- ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: В 2 т. Л.: Наука, 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
- ФРУ – Фольклор Русского Устья. Л.: Наука, 1986. 382 с.
- Хелимский Е. А.* Этимологические заметки // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. С. 30–42.
- Хелимский Е. А.* Трансъевразийские аспекты русской этимологии // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 75–90.

Юхименко Е. А. «По улицам слона водили...»: Документ, литературный текст и российская действительность 1710-х годов // Текст и традиция. Альманах. М., 2015. Вып. 3. С. 95–114.

Helimski E. The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983. 268 p. (Studia Uralo-Altaica. 22)

Janhunen J. The Russian monsters. On the etymology of an ethnonymic complex // Studia Etymologica Cracoviensia. 1997. Vol. 2. P. 159–165.

Janhunen J. Etymological and ethnohistorical aspects of the Yenisei // Studia Etymologica Cracoviensia. 2012. Vol. 17. P. 67–87.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 18 Aufl. Bearb. bei W. Mitzka. Berlin: W. de Gruyter, 1960.

Lauffer B. Ivory in China. Chicago: Field Museum of Natural History, 1925. 97 p.

Ludolf – Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Oxonii A.D. MDCXCVI. Ed. by B. O. Unbegaun. Oxford: Clarendon Press, 1959. XXIII + 15 + 102 p.

Meulen R. van der. De naam van den Mammouth // Mededeelingen der Kon. Akad. van Wetensch. Afd. Letterkunde. Deel 63. Ser. A. 1927. № 12. S. 349–403.

References

Alekseev M. P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley 13–17 vv. Vvedenie, teksty, kommentariy* [Siberia in the news of Western European travelers and writers of the 13th–17th centuries. Introduction, texts, commentary]. 3rd. ed., Novosibirsk, Nauka, 2006, 504 p.

Anikin A. E. *Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoazitskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. 2nd ed., rev. and enl., Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 765 p.

Anikin A. E., Khelimskiy Ye. A. *Samodiysko-tunguso-man'chzhurskiye leksicheskiye svyazi* [Samoyed-Tungus lexical connections]. Moscow, LRC Publishing House, 2007, 256 p.

Anikin A. E. O yakutskikh nazvaniyakh “dikikh lyudey” [On the Yakut names of “wild people”]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1999, iss. 5, pp. 214–220.

Berezovich E. L., Krivoshchapova Yu. L. *Sibir' v russkoy yazykovoy traditsii (na inoyazychnom fone)* [Siberia in the Russian language tradition (against a foreign language background)]. In: *Prostranstvo i vremya v yazyke i kul'ture* [Space and time in language and culture]. Moscow, Indrik, 2011, pp. 110–156.

Birkengof A. L. *Potomki zemleprokhodtsev* [Descendants of explorers]. Moscow, Mysl', 1972, 222 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [An explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. A. M. Babkin (Intr. art.), Moscow, GIS, 1955.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 2nd ed., O. N. Trubachev (Transl. from German and compl.), Moscow, Progress, 1986–1987.

Fol'klor Russkogo Ust'ya [Folklore of the Russian Ustye]. Leningrad, Nauka, 1986, 382 p.

Gurvich I. S. *Tainstvennyy chuchuna (istoriya odnogo etnograficheskogo poiska)* [Mysterious chuchuna (history of one ethnographic search)]. Moscow, Mysl', 1975, 96 p.

Helimski E. The Language of the First Selkup Books. *Studia Uralo-Altaica*. Szeged, 1983.

Ivanov S. V. Mamont v iskusstve narodov Sibiri [Mammoth in the art of the peoples of Siberia]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Compendium of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, AN SSSR, 1949, vol. 9, pp. 133–153.

Ivanov S. V. *Skul'ptura narodov severa Sibiri 19 – pervoy poloviny 20 v.* [Sculpture of the peoples of the north of Siberia in the 19th – first half of the 20th century]. Leningrad, Nauka, 1970, 296 p.

Ivanov Vyach. Vs. Nazvaniya slona v yazykakh Yevrazii. 1–3 [Elephant names in Eurasian languages. 1–3]. In: *Etimologiya 1975* [Etymology 1975]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 148–161.

Janhunen J. The Russian monsters. On the etymology of an ethnonymic complex. *Studia Etymologica Cracoviensia*. 1997, vol. 2, pp. 159–165.

Janhunen J. Etymological and ethnohistorical aspects of the Yenisei. *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2012, vol. 17, pp. 67–87.

Khelimskiy E. A. Etimologicheskie zametki [Etymological notes]. In: *Issledovaniya po istoricheskoy grammatike i leksikologii* [Studies in historical grammar and lexicology]. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1990, pp. 30–42.

Khelimskiy E. A. Trans'evraziyskie aspekty russkoy etimologii [Trans-Eurasian aspects of Russian etymology]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2002, no. 2 (4), pp. 75–90.

Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 18 Aufl. Bearb. bei W. Mitzka. Berlin, 1960.

Kolumby Zemli Russkoy. Sbornik ob otkrytiyakh i izuchenii Sibiri, Dal'nego Vostoka i Severa v 17–18 vv. [Columbus of the Russian Land. Collection of discoveries and exploration of Siberia, the Far East and the North in the 17th – 18th centuries]. Khabarovsk, Knizhn. izd., 1989, 461 p.

Larin B. A. *Russko-angliyskiy slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)* [Russian-English Dictionary-diary of Richard James (1618–1619)]. Leningrad, LSU Publ., 1959.

Laufer B. *Ivory in China*. Chicago, Field Museum of Natural History, 1925, 97 p.

Ludolf – Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Oxonii A. D. MDCXCVI. B. O. Unbegaun (Ed.). Oxford, Clarendon Press, 1959, XXIII + 15 + 102 p.

Matveyev A. K. *Geograficheskiye nazvaniya Tyumenskogo Severa* [Geographical names of the Tyumen North]. Yekaterinburg, URFU Publ., 1997, 191 p.

Mayorov A. P. *Slovar' russkogo yazyka 18 veka: Vostochnaya Sibir'. Zabaykal'ye* [Dictionary of the Russian language of the 18th century: Eastern Siberia]. Moscow, Azbukovnik, 2011, 583 p.

Meulen R. van der. De naam van den Mammouth. In: *Mededeelingen der Kon. Akad. van Wetensch. Afd. Letterkunde*. Deel 63. Ser. A. 1927, no. 12, pp. 349–403.

Myznikov S. A. *Russkiy dialektnyy etimologicheskiy slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Lexicon of contact regions]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-istoriya, 2019, 1076 p.

Nikolayev S. I. K voprosu o proiskhozhdenii yakutskikh legend o drevnikh lyudoyedakh [To the question of the origin of the Yakut legends about ancient cannibals]. In: *Sbornik statey i materialov po etnografii narodov Yakutii* [Collection of articles and materials on the ethnography of the peoples of Yakutia]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1961, iss. 2, pp. 47–62.

Panin L. G. *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri 17–18 vv.* [Dictionary of Russian folk-dialect speech in Siberia in the 17th-18th centuries] Novosibirsk, Nauka, 1991, 179 p.

Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Leningrad, 1958, XX + 3858 + VIII p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [The dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Leningrad, 1965–, iss. 1–.

Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv. [The dictionary of the Russian language of 11th–17th centuries]. Moscow, Nauka, 1975–, iss. 1–.

Slovar' russkogo yazyka 18 v. [The dictionary of the Russian language of 18th century]. St. Petersburg, Nauka, 1984–, iss. 1–.

Sobolevskiy A. I. *Lektsii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. 4nd izd., Moscow, Univ. tip., 1907, 309 p.

Sapfariy N. G. *Opisaniye pervyya chasti imenuyemoy Azii, v ney zhe sostoit Kitayskoye gosudarstvo...* [Description of the first part of the called Asia, it also includes the Chinese state] Kazan, 1910, 192 p.

Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: V 2 t. [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: In 2 vols]. Leningrad, Nauka, 1975, vol. 1; 1977, vol. 2.

Starodubtseva I. A., Alekseyev A. S. *Istoriya rossiyskoy paleontologii. V. N. Tatishchev* [History of Russian paleontology. V. N. Tatishchev]. In: *Byull. Mosk. ob-va ispytateley prirody. Otd. geologii* [Bulletin of the Moscow Society of Nature Explorers. Department of Geology]. Moscow, 2015, vol. 90, iss. 5, pp. 60–68.

Vrangel' F. P. *Puteshestviye po severnym beregam Sibiri i po ledovitomu moryu...* [Travel along the northern shores of Siberia and the Arctic sea ...]. St. Petersburg, Tip. A. Borodina i K., 1841, 306p.

Yukhimenko Ye. A. “Po ulitsam slona vodili...”: Dokument, literaturnyy tekst i rossiyskaya deystvitel'nost' 1710-kh godov [“They drove an elephant along the streets...”: Document, literary text and Russian reality of the 1710s]. In: *Tekst i traditsiya. Al'manakh* [Text and tradition. Almanac]. Moscow, 2015, iss. 3, pp. 95–114.

Zhuravlev A. F. *Iz russkoy obryadovoy leksiki: “zhivoy ogon”* [From the Russian ritual vocabulary: “living fire”]. In: *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas, 1976* [All-Slavic linguistic atlas, 1976]. Moscow, 1978, pp. 204–228.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Аникин, академик РАН, доктор филологических наук
ResearcherID L-5718-2017
Scopus AuthorID 57206656976

Information about the author

Alexander E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology)
ResearcherID L-5718-2017
Scopus AuthorID 57206656976